

ИДЕЯ РАСКОЛЬНИКОВА В ПЕРЕВОДЕ НА ВЬЕТНАМСКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматривается перевод на вьетнамский язык идеи главного героя романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» Родиона Раскольникова. Используются все имеющиеся во Вьетнаме переводы романа Достоевского, выполненные с языка-оригинала. Проведен сопоставительный анализ переводов словесного оформления идеи Раскольникова с последующими обратными переводами и их анализом. Показано, что переводчики делают акцент на удручающей бедности Раскольникова, на его социальном протесте как главной побудительной причине совершенного им преступления. Ослаблен интерес к идее героя, к ее скрытому богоборческому характеру: герой бросает вызов не только возмущающей его социальной несправедливости, но и основам православия, согласно которым закон нравственного добра исходит не от человека, а от Бога. Показано, что работая над переводом «Преступления и наказания», вьетнамские переводчики испытали несколько трудностей, главная из которых – в непонимании и незнании специфики религиозно-бытовой и культурной жизни русского человека середины XIX века. Реалии бытового и духовного православия часто заменяются реалиями буддистского культа, что привносит в роман не свойственный ему «восточный» религиозный колорит. Предлагаются некоторые конкретные уточнения в уже имеющиеся переводы.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Преступление и наказание», идея, герой-идеолог, эквивалентность, перевод, межкультурная коммуникация, христианская культура, бытовая культура.

Информация об авторе: Нгуен Тхи Хоан, аспирант, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия.
E-mail: nguyenthithoan19111989@gmail.com

Дата поступления статьи: 05.03.2020.

Для цитирования: Нгуен Т.Х. «Идея Раскольникова» в переводе на вьетнамский язык // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 2. С. 139–144. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-139-144.

Nguyen Thi Hoan
Ivanovo State University

RODION RASKOLNIKOV'S IDEA IN VIETNAMESE TRANSLATION

The article discusses the translation into Vietnamese of excerpts about the protagonist Rodion Raskolnikov's idea in Fyodor Dostoevsky's novel «Crime and Punishment». We used all available Vietnamese translations of Fyodor Dostoevsky's novel, adapted of the original language. We have done a comparative analysis of translations of the verbal conceptualisation of Rodion Raskolnikov's ideas and their reverse translations accompanied by their analysis. What is worth drawing attention to, are the depressing poverty of Raskolnikov, his social protest as the main motives which made the hero to pass to the terrible crime. There is weakened interest in the hero's idea, in its hidden godless character of Raskolnikov's ideas – the protagonist challenges not only the outrageous social injustice, but also the foundations of Orthodoxy, according to which the Law of moral goodness comes from God rather than from humans. It has been shown that Vietnamese translators, working on the translations of «Crime and Punishment», have experienced several difficulties. The main one is their lack of understanding and knowledge of the realia from Russian people's daily religious and cultural life in the mid-19th century. The realities of everyday life and spiritual Orthodoxy are often replaced by the realities of the Buddhist cult, which brings to the novel an unusual «oriental» religious flavour. Some specific clarifications are suggested for unclear content in the available translations.

Keywords: Fyodor Dostoevsky, «Crime and Punishment», idea, ideologist character, equivalence, translation, interculture, Christian culture, everyday culture.

Information about the author: Nguyen Thi Hoan, graduate student, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia.
E-mail: nguyenthithoan19111989@gmail.com

Article received: March 05, 2020.

For citation: Nguyen Thi Hoan. Rodion Raskolnikov's idea in Vietnamese translation. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 2, pp. 139–144 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-2-139-144.

В статье впервые детально проанализированы те главы романа «Преступление и наказание», переведенные тремя вьетнамскими авторами: Чыонг Динь Кы (1972), Ли Куок Шинь (1973), Као Суан Хао (1982–1983), – в которых раскрывается идея Раскольникова, с последующим обратным переводом и аналитическим комментарием. В романе идея Раскольникова наиболее ярко представлена в следующих главах: гл. 6, ч. 1 (разговор студента и офицера, свидетелем которого случайно стал Раскольников), гл. 5, ч. 3 (обсуждение статьи Раскольникова), гл. 4, ч. 4 (первый приход Раскольникова к Соне), гл. 4, ч. 5 (второй приход Раскольникова к Соне).

В представленной статье мы рассматриваем две первые названные главы, в которых идея Раскольникова увидена чужими (студент) или polemично настроенными к нему людьми (Порфирий Петрович, Разумихин). Прделанный нами анализ убеждает в том, что во Вьетнаме преобладает социологический подход к прочтению романа Достоевского. Монография М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», в которой дано классическое определение героя Достоевского (Раскольникова в том числе) как героя-идеолога, была переведена на вьетнамский язык лишь в 1992–1993 гг.

Социологическое прочтение романа «Преступление и наказание» впервые было осуществлено Д.И. Писаревым в статье «Борьба за жизнь». Завершая статью, он пишет: «Эту теорию никак нельзя считать причиной преступления, так точно как галлюцинацию больного невозможно считать за причину преступления. <...> Настоящей и единственной причиной являются все-таки тяжелые обстоятельства» [Писарев: 110].

М.М. Бахтин, напротив, именно идею Раскольникова считает основной причиной совершенного им преступления: «Всем героям Достоевского дано “горная мудрствовати и горних искати”, в каждом из них “мысль великая и неразрешенная”, всем им прежде всего “надобно мысль разрешить”. И в этом-то разрешении мысли (идеи) вся их подлинная жизнь и собственная незавершенность. Если отмыслить от них идею, в которой они живут, то их образ будет полностью разрушен. Другими словами, образ героя неразрывно связан с образом идеи и неотделим от него. Мы *видим* героя в идее и через идею. А идею мы *видим* в нем и через него» [Бахтин: 98–99]. Мысль Бахтина о том, что нигде в романе нет изложения идеи Раскольникова в монологической форме, что она рождается, живет и раскрывается только в непрерывном диалоге с другими героями и с самим собой, сейчас можно считать общепризнанной [см., например, Касаткина: 319–320].

Впервые идея Раскольникова звучит в изложении безымянного студента, свидетелем разговора которого с офицером он случайно стал. По его

признанию, этот разговор «имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела»: «Раскольников был в чрезвычайном волнении. Конечно, всё это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... *такие же точно мысли?* И почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?... Станным всегда казалось ему это совпадение» [Достоевский 6: 55].

В оригинальном тексте трижды использовано слово «именно» («именно теперь», «именно сейчас», «именно такой разговор и такие мысли»), чтобы акцентировать внимание на одномоментности происходящих событий: появление зародыша странной мысли в голове Раскольникова и изложение тех же мыслей студентом. В переводе Чыонг Динь Кы замена слов «именно теперь» (то есть именно сейчас, когда студент только что изложил свою идею) словами «именно сегодня» (то есть в любой момент сегодняшнего дня) снижает напряженность происходящего на наших глазах внутреннего диалога Раскольникова со своим теоретическим единомышленником. Отметим, что все три переводчика не обратили внимания на неслучайное повторение слова «именно».

Кроме того, в переводах Чыонг Динь Кы и Ли Куок Шинь важная фраза «при дальнейшем развитии дела» не переводится точно. Мысли студента, которые Раскольников случайно услышал в трактире именно в то время, когда странная мысль только что появилась в его голове, оказали сильное влияние на его решение «переступить закон» в будущем, а не только «trong suốt thời gian sự việc xảy ra» (в течение времени, когда произошло дело – Чыонг Динь Кы) и «trong suốt vụ này» (в течение этого дела – Ли Куок Шинь). Логика этой странной мысли требовала преступления, ведущего от злодеяния единичного – убийства вредной старухи – к убийству её сестры, кроткой Лизаветы.

Студент предлагает убить «проклятую старуху» «без всякого зазору совести» и на ее деньги спасти от нищеты и разложения десятки семейств: «Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу... не загладится ли одно крошечное преступленьце (выделено мной. – Н. Т. Х.) тысячами добрых дел? За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вред-

на» [Достоевский 6: 54]. Идеи устранения социальной несправедливости посредством насилия давно «витали в воздухе», Раскольников прав, утверждая, что подобные «молодые разговоры и мысли» не стали для него новостью.

Здесь «без всякого зазору совести» значит «без всякого угрызания совести», которое переводится автором Чыонг Динь Кы «*chẳng có gì thối mắt cả*» (никакого сомнения нет) и Ли Куок Шинь «*chẳng mảy may hối hận*» (без всякого раскаяния). Переводчики не передают умысел Раскольникова, скрытый не в единожды повторенном слове «совесть». Заметим, что все три переводчика допустили немалую погрешность, заключающуюся в том, что частица «бы», присутствующая в оригинале, в переводах пропущена. Именно из-за невнимания авторов гипотеза, существующая только в голове студента, в переводах становится его реалистическим желанием. На самом деле, отвечая на вопрос офицера: «Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старуху или нет?», – он утвердительно ответил: «Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...» [Достоевский 6: 55]. А дело, по мнению автора «Преступления и наказания», именно в человеке, не случайно в тексте курсивом акцентировано слово «сам». Раскольников озлоблен на весь белый свет: в последний приход в Соне он признался в том, что он самолюбив, завистлив, зол, мерзок. Придя в первый раз к старухе-процентщице, еще ничего не зная о ней, он «почувствовал к ней непреодолимое отвращение». А для студента Алена Ивановна и «славная», и «стерва ужасная» [Достоевский 6: 53]. Идея студента головная (отсюда убийство с высокой целью для него уже не преступление, но все еще «преступленьице»), Раскольников же в сердце своем решил, что предполагаемое и осуществленное им «предприятие» не есть преступление.

Отметим, в переводах слово «преступленьице» переведено то как «*tội giết người*» (преступление убийства – Чыонг Динь Кы), то как «*trọng tội*» (серьезное преступление – Ли Куок Шинь), то как «*tội ác*» (преступление – Као Суан Хао). Получается абсурдная ситуация: «серьезное преступление» не может быть «крошечным». Переводчики не уловили глубинный идеологический и личностный характер происходящего. Мы предлагаем перевести это слово как «*sự mất tội nhỏ*» («преступленьице»).

Услышав слова студента, «Раскольников вздрогнул». В переводе Ли Куок Шинь глагол «вздрогнул» передается глаголом «*tùng mình*», обозначающим во вьетнамском словаре резкие судорожные движения от испуга или от холода. На наш взгляд, Раскольников сделал резкое судорожное движение от совпадения идеи студента с его собственными мыслями. Во вьетнамском и русском языках есть фразеологизм «*có tật giật mình*» / «На воре шапка горит». Думается, фразеологизм здесь будет умест-

нее. Именно это и сделано в переводах Чыонг Динь Кы и Као Суан Хао.

Суть идеи, изложенной Раскольниковым в разговоре с Порфирием Петровичем, состоит в следующем: «...люди, по закону природы, разделяются *вообще* на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей *новое слово*» [Достоевский 6: 200].

К идее Раскольникова привели размышления над всей историей человечества и наблюдения над социальным устройством и нравственными нормами окружающего его общества, законы которого он считает вечными и неизменными. Уже из статьи следует, что Раскольников относит себя к «*высшему разряду*», члены которого могут и должны «*переступить законы*» ради идеи, «спасительной для человечества».

В словаре русского языка «*природа*» – окружающая людей совокупность естественных условий на земле (поверхность, растительность, климат), не созданных деятельностью человека. Кроме прямого значения, это слово еще имеет переносное значение, обозначающее сущность, прирожденное свойство, натуру, характер кого/ чего-либо [Евгеньева]. А во вьетнамском языке «*thiên nhiên*» (*природа / окружающая среда*) имеет единственное значение, представляющее собой объективное явление, которое существует вне и независимо от сознания человека. Иными словами, это всё, что людей окружает, за исключением вещей, созданных человеческими руками. Здесь Раскольников, излагая свою идею, хотел подчеркнуть естественное свойство людей, а не «*trật tự của thiên nhiên*» (порядок окружающей среды), как в переводе Ли Куок Шинь.

Мы считаем слова «*tạo hoá*» (*творец мира*) в переводах Чыонг Динь Кы и Као Суан Хао ближе к оригиналу, потому что во Вьетнаме они обозначают верховное существо, создавшее мир (вселенную), управляющее им, покровительствующее всем. Во вьетнамском языке при обозначении врождённого свойства употребляется выражение «*do tạo hoá/ do trời sinh*» (*по закону творца мира/ по богу*) – то есть по тому, что порождено Богом.

Очевидно, что многозначность русских слов вызывает трудность у переводчиков. Отметим, что Ли Куок Шинь постоянно делает семантическую ошибку при передаче слова «*природа*».

Другая неудача в использовании слов в том же переводе заключается в том, что вместо фразы «*собственно на людей*», «*имеющих дар или талант, сказать в среде своей новое слово*» переводчик употребляет сочетание «*những con người chân thực*» (*искренние/честные люди*). Возникает ситуация «наизнанку»: честными, искренними оказываются те, которые позволили себе «*перешагнуть через кровь по совести*» во имя великой социальной

идеи. Раскольников предстает борцом за счастье «униженных» и «оскорбленных».

В этом же переводе автор употребляет слово «*cánh giời*» (*пределы*) вместо «*среда*». В этом случае замена удачна. Во вьетнамском языке «*cánh giời*» (*пределы*) – многозначное древнекитайско-вьетнамское слово, обозначающее грань, место и обстоятельство, которое в настоящее время звучит только в практике буддизма. По нашему наблюдению, два автора – Чыонг Динь Кы и Ли Куок Шинь – часто используют устаревшие китайско-вьетнамские слова.

Раскольников констатирует: «...все, не то что великие, но и чуть-чуть из колеи выходящие люди... должны, по природе своей, быть непременно преступниками» [Достоевский 6: 200]. Здесь «*чуть-чуть из колеи выходящие люди*» – люди, способные мыслить более или менее оригинально. Мы считаем, что в этом случае перевод «*bất kỳ kẻ nào hơi đứng ra ngoài những thành kiến, không thích thủ cựu*» (*стоящий вне предрассудков, всякий, которому не нравится рутин*) Чыонг Динь Кы ближе к оригиналу, чем перевод «*tất cả những người nào chỉ vượt cao lên bên trên mức thông thường của nhân loại*» (*все только поднимающиеся выше нормального уровня человечества люди*) Ли Куок Шинь или «*những người chỉ vượt lên trên mức bình thường một tí*» (*чуть-чуть поднимающиеся выше нормального уровня люди*) Као Суан Хао. На наш взгляд, замена слова «*преступник*» в переводе Ли Куок Шинь на «*kẻ phạm pháp*» (*правонарушитель*) неудачна: у Достоевского речь идет не столько о преступлении в рамках уголовного законоположения, сколько о пере-ступлении вечного нравственного закона.

Переходим к анализу предложения: «...в следующих поколениях эта же масса ставит казнённых на пьедестал и им поклоняется (более и менее)» [Достоевский 6: 200].

Остановимся на понимании словосочетания «*huong khói*» (поклоняться) в переводе Као Суан Хао. Оно состоит из двух слов: «*huong*» (аромат) и «*khói*» (дым), отсылающих к древней вьетнамской традиции зажигать ароматические палочки для поклонения предкам. Обычай культа предков и умерших является очень важным верованием в жизни вьетнамцев, создающий вьетнамский культурный колорит. Большинство семей во Вьетнаме имеет алтарь/жертвенник, на котором в чаши, наполненные золой, ставят зажженные ароматические палочки. Обычай «зажигать ароматические палочки» – важный буддистский обряд, напоминающий сжигание ладана при богослужении в православной церкви. Као Суан Хао привносит реалии самой распространенной во Вьетнаме религии на русскую религиозную почву, при этом почти интуитивно нащупывает точки соприкосновения в обрядах поминовения усопших как в православии, так и традиционной вьетнамской религии.

В диалоге Порфирия Петровича и Раскольникова упоминается Новый Иерусалим, в который Раскольников, по его словам, твердо верует. Образ этот восходит к Апокалипсису, к одной из наиболее почитаемых Достоевским книг Нового Завета. В философско-культурном контексте XIX века *Новый Иерусалим* – широкий символ осуществления всех надежд, имеющий как чисто мистическое, так и религиозно-утопическое толкование. Так, по учению сен-симонистов, идеями которых молодой Достоевский увлекался, вера в *Новый Иерусалим* означала веру в наступление нового земного рая – «золотого века».

Раскольников говорит о конце и итоге всемирной истории, но, по всей вероятности, и о возможности «земного рая».

Чыонг Динь Кы перевел «*Новый Иерусалим*» как древнейший город государства Израиль, крупнейший религиозный центр трех монотеистических религий. Во вьетнамском языке «*thành*» [тхань] – сокращение слова «*thành phố*» (*город*). Мы считаем замену слов «*Новый Иерусалим*» на фразу «*перестройка города Иерусалима*» в этом переводе неудачной, ибо таким образом устраняется мистический смысл образа. В переводах Ли Куок Шинь и Као Суан Хао сохраняется как буквальный, так и мистическо-символический смысл образа Нового Иерусалима, что более точно соответствует оригиналу.

Обнимая мыслью в своей теории всю всемирную человеческую историю, Раскольников приходит к выводу, что всегда и везде основной формой и законом исторического прогресса было преступление. От идеи Раскольникова Разумихин ужаснулся. Он вскричал: «Ну, брат, если действительно это серьезно, то... Ты, конечно, прав, говоря, что это не ново и похоже на всё, что мы тысячу раз читали и слышали; но что действительно оригинально во всем этом, – и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, – это то, что всё-таки кровь *по совести* разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже... В этом, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Ведь это разрешение крови *по совести*, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение крови проливать, законное...» [Достоевский 6: 202–203]. Это одно из ключевых мест романа. Впервые речь зашла об оригинальности идеи, только Раскольникову принадлежащей. Выделенные курсивом слова направляют читательское восприятие в нужном автору русле.

Рассмотрим передачу слова «*ужас*» в переводах Чыонг Динь Кы и Ли Куок Шинь. Оно заменяется то словом «*hoi sợ*» (*немножко пугать*), то «*biếp*» (*грусить*). Хотя глагол «*пугать*» и существительное «*ужас*» синонимичные по значению, но между ними есть разница по выразительному нюансу. «*Пугать*» – внушать кому-либо чувство страха, «*ужас*» же есть чрезвычайное состояние очень сильного

страха, то есть высшая его степень. Совсем неудачна замена слова «ужас» глаголом «виѝп» (*grustit*) в переводе Ли Куок Шинь. В этих переводах уменьшено состояние чрезмерного ужаса, в котором Разумихин находится от идеи Раскольникова, “разрешающего кровь по совести”. По мнению Разумихина, Раскольников посягнул своей идеей не только на человеческую, но и на Божескую правду.

Совсем неудачна в переводе Чьонг Динь Кы замена сочетания «кровь по совести» фразой «*máu đđ vđi ú thđc gđ gđng*» (кровь с ясным сознанием). В болезненном сознании героя не случайно соседствуют друг с другом Наполеон и Мессия (Христос). Раскольников впадает в грех самообожествления. Он полагает, что законодателем нравственности является не Бог, а человек. «Совесть в идее героя поставлена в прямую зависимость от исполнения “необыкновенными” их “метафизического долга”: верность этому долгу как раз и становится их внутренним нравственным критерием и обуславливает – даже в преступлении – их согласие с собственной совестью» [Тихомиров: 248].

Нами было отмечено, что в переводах Чьонг Динь Кы и Као Суан Хао авторский курсив сохранен. В переводе Ли Куок Шинь слово «по совести» вовсе выпущено.

Передача идеи Раскольникова с русского языка на вьетнамский оказывается непростой задачей для переводчиков. Наблюдения над переводами показывают: 1) все переводчики сохранили оригинальный текст в полном объеме, тем не менее иногда оставляя без перевода ключевые слова, например такие, как «преступленьице» в речи студента, «кровь по совести» в речи Разумихина; 2) метафизический, богоборческий смысл идеи Раскольникова передан чрезвычайно поверхностно. По всей видимости, авторы переводов не придают должного значения идее Раскольникова как одной из главных побудительных причин совершенного им преступления. Так, До Хай Фонг, обозревая почти вековую историю общения вьетнамцев с творчеством Достоевского и называя драгоценную «жемчужину», полученную ими в результате этого общения, уверенно констатирует: «Особенно ценным культурным обретением оказалась “социальная сентиментальность” писателя, его боль за униженных и оскорбленных, утопическая мечта о соборной “деятельной любви”» [До: 234]; 3) реалии религиозно-культурной жизни русского человека середины XIX века часто заменяются специфическими подробностями буддистского культа, что привносит в роман не свойственный ему «восточный» религиозный колорит.

Список литературы

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 341 с.

Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука. 1972–1990. Т. 6. Л.: Наука, 1973. 423 с. (В тексте статьи ссылки даются на данный том с указанием страницы.)

До Хай Фонг. Достоевский во Вьетнаме // Достоевский: Материалы и исследования. СПб.: Наука, 2013. Вып. 20. С. 220–234.

Дьяченко Григорий. Полный церковно-славянский словарь. М.: Издательский отдел Московского Патриархата, 1993. 1159 с.

Евгеньева А.П. Малый академический словарь: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (20.11.2019).

Као Суан Хао. Перевод романа «Преступление и наказание»: в 2 т. Ханой: Литература, 1982. Т. 1. 464 с.

Касаткина Т.А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. 336 с.

Ли Куок Шинь. Перевод романа «Преступление и наказание». Шайгон: Нгуон Шанг, 1973. 819 с.

Писарев Д.И. Борьба за жизнь // Писарев Д.И. Собр.соч.: в 4 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1956. С. 98–119.

Тихомиров Б. «Лазарь! Гряди вон»: Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.

Чьонг Динь Кы. Перевод романа «Преступление и наказание»: в 2 т. Шайгон: Хай Чи, 1972. 1173 с.

References

Bakhtin M.M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of poetics of Dostoevsky]. Moscow, Russkie slovari Publ., Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, 341 p. (In Russ.)

Dostoevskii F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Full composition of writings: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. Vol. 6. Leningrad, Nauka, 1973. 423 p. (In Russ.)

Do Khai Fong. *Dostoevskii vo V'etname* [Dostoevsky in Vietnam]. *Dostoevskii. Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky. Materials and research]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, vol. 20, pp. 220–234. (In Russ.)

D'iachenko Grigorii. *Polnyi tserkovno-slavianskii slovar'* [Complete Church Slavonic Dictionary]. Moscow, Izdatel'skii otdel Moskovskogo Patriarkhata Publ., 1993, 1159 p. (In Russ.)

Evgen'eva A.P. *Malyi akademicheskii slovar': v 4 t.* [Small Academic Dictionary: in 4 vols.]. РАН, In-t lingvistich.issledovani. Moscow, Rus. iaz. Publ., Poligrafresursy Publ., 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (20.11.2019). (In Russ.)

Kao Suan Khao. *Perevod romana «Prestuplenie i nakazanie»: v 2 t.* [Translation of the novel «Crime

and Punishment»: in 2 vols.]. Kanoi, Literatura Publ., 1982, vol. 1, 464 p. (In Russ.)

Kasatkina T.A. *Kharakterologiya Dostoevskogo. Tipologiya emotsional'no-tsennostnykh orientatsii* [Characterology of Dostoevsky. Typology of emotional value orientations]. Moscow, Nasledie Publ., 1996, 336 p. (In Russ.)

Li Kuok Shin'. *Perevod romana «Prestuplen i einakazanie»* [Translation of the novel «Crime and Punishment»]. Shaigon, Nguon Shang Publ., 1973, 819 p. (In Russ.)

Pisarev D.I. *Bor'ba za zhizn'* [The struggle for life.] *Pisarev D.I. Sobr.soch.: v 4 t.* [Pisarev D.I. Composition

of writings: in 4 vols.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1956, pp. 98–119. (In Russ.)

Tikhomirov B. *«Lazar'! Griadi von»: Roman F.M. Dostoevskogo «Prestuplen i einakazanie» v sovremennom prochtenii: kniga-kommentarii* [«Lazarus! Come Out»: Roman F.M. Dostoevsky's «Crime and Punishment» in the modern reading: comment Book]. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2005, 472 p. (In Russ.)

Chyong Din' Ky. *Perevod romana «Prestuplen i einakazanie»: v 2 t.* [Translation of the novel Crime and Punishment: in 2 vols.]. Shaigon, Khai Chi Publ., 1972, 1173 p. (In Russ.)